

Александр Казанцев

ВИЛЕНА

ГОРЕ

Прохожие оглядывались на маленькую изящную женщину не потому, что она была молода и хороша собой. На лице ее было выражение такой скорби, такого отчаяния, что людям становилось страшно за нее.

Женщина встала на бегущие вверх ступеньки ажурного мостика, переброшенного серебряной паутиной через широкий проспект.

Далеко внизу по яркому голубому асфальту неслись встречные потоки разноцветных юрких машин. Вдали поблескивал на солнце островерхий шатер старой кремлевской башни, сохраненной на будущие времена прозрачным пластиковым покрытием. По обе стороны проспекта из густой зелени парков поднимались исполинскими раскрытыми книгами или надутыми парусами кораблей-великанов тысячеглазые башни жилых домов, со всех сторон открытых воздуху и свету.

На мостике остановились двое: профессор Лебедев из Института мозга и его племянник Ваня Болев, кибернетик, работавший в радиообсерватории над расшифровкой каких-то странных, принятых из космоса сигналов.

— Вид-то какой! — воскликнул Ваня Болев. — Только стихи и читать с такой высоты на весь город!

Был он светловолос и откидывал густую шевелюру назад, как делали когда-то поэты. Краем глаза он наблюдал за поднимавшейся на мостик маленькой женщиной.

— А я особенно ценю здесь воздух, — отозвался его грузный дядя. — Признаться, из-за него и предпочитаю мостики тоннелям. Ну их, подземелья!..

— Да, дышится легко, — согласился Болев. — А ты знаешь, дядя, однажды я заговорил об этом с приятелем, инженером. Он меня выслушал и стал серьезно объяснять, что легко так дышится теперь потому, что городской воздух больше не отравляется выхлопными газами машин.

Лебедев расхохотался.

— Вот тебе и цена поэзии!.. Выходит, дело все сводится к светильному газу, дающему при сгорании пары воды...

Тем временем маленькая женщина подошла к перилам мостика, взялась за них руками и заглянула вниз.

Лебедев встревожился, тронул за руку племянника, показал ему глазами на незнакомку. Вместе они подошли к ней.

— Простите, — сказал профессор, снимая шляпу с лысой головы. — Нам кажется, что у вас нехорошо на душе. В таких случаях хуже всего быть одной. Вы уж извините нас, что мы подошли непрошеные... У вас умер кто-нибудь близкий? — продолжал участливо спрашивать пожилой ученый.

— Хуже, — с горечью ответила женщина.

Она молча взглянула на него влажными глазами.

— Не можем ли мы чем-нибудь помочь?

Женщина отрицательно покачала головой:

— Уже не помочь... Никогда...

— Поверьте, это очень скверное и неверное слово «никогда».

— Простите, но я знаю вас, — вмешался Болев. — Вы приходили к нам в радиообсерваторню. Телесвидание с Луной. Помните? Я Ваня Болев, кибернетик.

— Вы позволите проводить вас? — спросил Лебедев.

Она взглянула на него. Улыбающееся лицо с тройным подбородком располагало к себе. Голос был мягким и задушевым.

— Я тоже узнал вас. Вы Вилена Ланская? Не правда ли? Мы все — ваши почитатели.

— А я работал вместе с Владленом, — вставил Болев.

Маленькая женщина вздрогнула и снова опустила голову.

— Проводить меня? — спросила она. — А вы знаете, где Институт жизни?

— Мы охотно проводим вас, — заверил профессор. — Это недалеко отсюда. Если хотите, мы возьмем любой турбобиль у тротуара.

— Нет, спасибо. Лучше пройтись.

— Я работаю в Институте мозга, — говорил профессор, беря Вилену под локоть. — Если бы я мог быть вам хоть чем-нибудь полезным! Я профессор Лебедев, Сергей Федорович...

— Быть полезным? — рассеянно переспросила Вилена. — Вы правы... надо быть полезным. Ради этого и пойти туда. — Она, очевидно, вслух отвечала на какие-то свои мысли.

Спутники поняли это и не стали расспрашивать. Они, как могли, отвлекали ее.

— Мы говорили до вас о том, как недавно люди научились растворять в воде светильный газ, чтобы получить для автомобилей жидкое топливо, не отравляющее воздух, — почему-то вспомнил Лебедев и тут же подумал: какую невероятно далекую для него самого чепуху он говорит!

Вилена сначала удивленно посмотрела на своего старательного собеседника. Потом догадалась о его намерениях и не то кивнула головой, не то опустила ее.

— Как жаль, что я ничего не понимаю в технике, — сказала она.

— Вы знаете, — опять вмешался Болев, решив помочь дяде, — еще во время первой мировой войны безвестный изобретатель объявил, что может превращать воду в горючее для автомобилей. Говорят, он продемонстрировал свой метод нефтяным магнатам и — бесследно исчез.

— Это считали легендой, — подхватил Лебедев, продолжая удивляться самому себе. — И вот... к концу двадцатого века получили-таки «горючую воду»...

Но напрасно заботливые спутники старались заинтересовать Вилену далекими для них самих проблемами. Всю дорогу она отвечала

односложно и, только прощаясь у подъезда Института жизни, улыбнулась сквозь слезы.

— Какие вы... хорошие!

...Вилена вошла в просторный вестибюль с квадратными колоннами. Ее встретила молоденькая лаборантка в голубом халате.

— Я хочу видеть академика Руденко, — сказала Вилена.

— Владимир Лаврентьевич ждет вас? Просил прийти? — искренне удивилась лаборантка. — Он ведь так занят, ни с кем не встречается...

— Он мне очень... очень нужен... Необходим!

Пораженная тоном, которым Вилена произнесла эти слова, лаборантка молча подвела ее к небольшому экрану за колоннами и нажала кнопку прибора.

— Простите, Владимир Лаврентьевич, — сказала она, когда на экране в ореоле седых волос появилось темное лицо старого ученого. — Вас очень хотят видеть...

И она отступила. Вилена оказалась перед экраном.

— Если бы вы могли меня выслушать!.. — с мольбой прошептала она.

Старый ученый пытливо посмотрел с экрана на странную посетительницу.

— Ну что ж... Ежели так серьезно, то прошу покорно. Нина Владимировна, не откажите в любезности проводить ко мне нашу гостью.

Две женщины молча зашагали по коридору, вышли в сад.

На миг аромат каких-то поздних цветов ударил в лицо Вилене, словно напоминая о жизни, о красоте. Она почему-то зажмурилась.

Они вернулись в здание через другой вход.

Старый академик стоял в дверях застекленной веранды, гостеприимным жестом приглашая Вилену.

Войдя, Вилена оглянулась. Стены кабинета со стороны веранды были сплошным окном. Другие две стены оказались заняты книгами, а одна — коллекцией черепов, ископаемых и современных. Над полками

висели портреты Дарвина, Сеченова, Павлова и других выдающихся ученых.

— Руденко, Владимир Лаврентьевич, — церемонно представился старый ученый, усаживая гостью в удобное низкое кресло и сам садясь напротив. Лицо его теперь не казалось таким темным, как на экране, было свежим и розовым.

— Ланская, Вилена Юльевна, — через силу улыбнулась посетительница.

— Кто же вас не знает! — сказал старик. — Сколько радости вы приносите людям!

— Теперь я принесла вам не радость, а свое горе. Будет ли интересно слушать?

— Ежели смогу хоть чем-нибудь помочь!..

— Сможете! Но я хочу, чтобы помощь была взаимной. Я хочу быть полезной вашей науке и попрошу об очень странном.

— Постараюсь ничему не удивиться.

— Я хочу предоставить себя для эксперимента, самого опасного, какой только можно провести в вашем институте... пусть даже смертельного...

— Но наш институт — Институт жизни!..

— Я слышала о некоторых ваших опытах...

И Вилена сбивчиво объяснила, чего она хочет...

Академик нахмурился. Горбясь, встал. С трудом прошелся по комнате — он был очень стар. Лицо его стало темным, как на экране.

— Как? Почему пришли вы к столь тягостной мысли уйти из нашей жизни, расстаться со всеми, кому вы дороги, кто вами гордится? Поверьте, это не праздное любопытство. Мне нужно узнать все, чтобы иметь возможность ответить вам согласием или...

— Нет! — умоляюще прервала она, потом громче повторила: — Нет! — И добавила страстно, даже гневно: — Нет! Только не отказом. Речь идет не просто о жизни, а о счастье!

— Вы хотите, чтобы наш институт стал Институтом счастья? — попробовал пошутить старик, но замолчал, заметив, какая боль отразилась на лице Вилены.

— Итак? Что же это? Любовь? — дружелюбно спросил старик, снова садясь, упираясь руками в расставленные колени и пытливо глядя на Вилену добрыми выцветшими глазами.

— Да, — печально призналась Вилена, теребя вынутый из сумочки платок.

Старик вздохнул.

— Разве можно не ответить вам взаимностью?

— Нет, Владимир Леонтьевич, дело не в этом. Мы любим друг друга с первой минуты.

— Значит, любовь с первого взгляда? Что же встало между вами в наше время?

Вилена молчала, словно собираясь с силами. Видимо, ей было очень трудно заговорить о самом сокровенном.

Тогда академик решил собственной откровенностью помочь молодой женщине:

— Я могу вас понять, дорогая Вилена. Уж позвольте мне вас так называть, Вилена Юльевна.

— Конечно, — кивнула головой Вилена.

— Я хочу вам рассказать о делах, давно минувших... Любовь всегда доставляла не только радость, но и горе. Мои родители жили в прошлом веке, в ином мире. Они полюбили друг друга, но мой дед, потомственный дворянин, не желал выдать замуж дочь за нищего студента, да еще за крестьянского сына. Но любовь оказалась сильнее сословных предрассудков, даже тогда она смогла соединить любящих людей, давших мне жизнь. А потом и мне самому пришлось преодолевать преграду...

— Вам?

— Да, дорогая, мне. В мое время уже не было ни кровной вражды, ни мести, столь трагически разделивших Ромео и Джульетту, но...

существовали границы между государствами, социальными лагерями. Мы с моей покойной Мэри, Марией Робертовной, американкой по рождению и врачом, как и я, по специальности, встретились и полюбили друг друга на научной конференции в Сан-Франциско. И все же ваш покорный слуга счастливо прожил с женой долгую жизнь, преодолев все преграды. Что же разделило вас с любимым, Вилена, разделило в наше время?

— Я прошу очень многого. Знаю, что нелегко вам будет дать согласие. Но я уверена, что вы согласитесь, поняв меня, оценив все, что произошло со мной.

— Говорили, что нет повести печальнее на свете...

— Нет!.. Есть повесть печальнее, это моя повесть!.. — прервала старика Вилена. — Для этого я должна была бы рассказать вам все... и о себе... и о Владлене...

Она помолчала. Старик одобряюще смотрел на нее.

И она стала рассказывать... Академик молча слушал и кивал головой. Многое, конечно, он знал сам, многое дорисовывал своим воображением.

Перед ним разворачивалась жизнь двух любящих друг друга молодых людей.

МУЗЫКА НЕБЕСНЫХ СФЕР

Семинар проводился в уютном зале института. Одна стена была сплошь занята двумя белыми пластиковыми досками, которые нажатием кнопки можно было переменить местами. Нижняя с уже написанными формулами оказывалась вверху, а на спустившейся можно было писать. Конечно, не мелом. Теперь уже никто им не писал. На белых досках рисовали огромными карандашами, похожими на те, какими прежде пользовались плотники для разметки бревен.

Зал был невелик. Сотрудники занимали несколько рядов. Сидевшие в первом ряду пользовались длинным столом, а следующие

ряды были снабжены пюпитрами, приделанными к спинкам предыдущего ряда.

Когда Владлен Ратов и его товарищи по лаборатории: Костя Званцев и Ваня Болев — вошли в зал, профессор Шилов уже стоял, опершись руками о стол.

Едва они заняли свободные места, как он сказал:

— Темой сегодняшнего разговора будет переход группы Ратова на «План Озма-прим».

Костя и Владлен переглянулись.

Шилов был известным ученым, в свое время прославившимся дерзкими гипотезами. Это он еще до американцев Коккони и Моррисона указал длину волны, на которой вероятно ждать радиосигналы внеземных цивилизаций. Братья по разуму, рассуждал он, должны учесть, что всякая разумная раса, достигшая известного уровня цивилизации, будет изучать вселенную с помощью радиоприборов. В этом случае непременно будет изучаться космический водород, заполняющий собой межзвездное, пространство. А его атомы под влиянием ближних звезд-светил, как известно, излучают радиоволны на длине волны двадцать один сантиметр. Приборы разумной расы, изучающей космос, непременно примут, кроме излучения межзвездного водорода, и радиосигналы. Американские ученые пришли к тому же выводу. Начались исследования по плану Озма. Радиотелескопы были направлены к звездам Тау Кита и Эпсилон Эридана, около которых ожидали существования планет с развившейся жизнью. Правда, результатов эти исследования не дали, конечно, тридцатилетний срок в таком случае слишком мал, но имя Шилова стало известным.

Однако автор смелой гипотезы чужих гипотез не терпел. С большим предубеждением он отнесся к выступлению в свое время молодого советского астронома Кардашева, поставившего под сомнение верность его рассуждений. Кардашев доказывал, что сигналы других цивилизаций надо искать не в диапазоне наибольших шумов, создаваемых межзвездным водородом, а в диапазоне наименьших помех.

Однако во имя объективности и демонстрации широты своих взглядов он допускал, чтобы одна группа в руководимой им радиообсерватории вела исследование в развитие (или в опровержение!) идей Кардашева. Эту группу недавно возглавил Владлен Ратов.

Владлен и Костя встали и пересели в первый ряд, оказавшись прямо перед Шиловым за длинным столом.

— Идеи Кардашева, — продолжал Шилов, — проверявшиеся в течение тридцати лет, не дали плодотворных результатов, да и не могли дать, поскольку исходили из неверных посылок... — Шилов оглядел аудиторию и заметил, что Владлен пытается встать. Он пожал плечами, словно апеллируя к собравшимся, и сделал милостивый жест рукой, приглашая Владлена высказаться.

— Простите, Игнатий Семенович, — начал Ратов. — Едва ли можно говорить о неверности основных посылок Кардашева, если вспомнить, что он допускал сигналы разумян в диапазоне наименьших радиопомех, а не среди шумов, создаваемых космическим водородом.

— Великолепная, бесценная мысль! — иронически воскликнул Шилов. — Можно подумать, что мы не умеем выделять организованные сигналы из хаотических шумов! Или прикажете равняться на вчерашний день радиотехники?

— Все же я напому вам, Игнатий Семенович, — упрямо продолжал Ратов, — что со времени выдвижения гипотезы Кардашева нами, да и всеми другими, кто вел исследования в том же направлении, обнаружено, что мощность сигналов переменна.

— Может быть, вы расшифровали эту переменность? — Шилов наклонился через стол к Владлену, словно хотел лучше расслышать, что он скажет. — Ведь она, насколько мне известно, колеблется от ста дней до пятнадцати минут.

— Нет, — едва слышно признался Ратов. — Эта периодичность не расшифрована. Мы еще не знаем, с какой стороны подойти к расшифровке.

— Вот именно!.. — развел руками Шилов. — С тем же успехом можно пытаться расшифровать как разумное послание смену времен года или дня ночью.

— Я думаю, Игнатий Семенович, такое сравнение необоснованно, — вежливо возразил Ратов. — Переменность силы сигналов может оказаться не сущностью кода, а лишь средством привлечения внимания.

— Почему же ваше внимание не привлечено мигающими звездами? — с убийственной иронией перебил Шилов. — Астрономы давно знают, что двойные звезды меняют силу света из-за того, что в своем вращении взаимно затмевают одна другую. Почему бы не допустить, что такое же явление есть и в радиозвездах, экранирующих радиоизлучение?

— Сто дней, как период вращения таких гипотетических звезд, еще можно представить, а пятнадцать минут? — не без ехидства спросил Владлен.

Шилов покрылся красными пятнами.

— Научные выводы нельзя делать на основе не объясненных пока «белых пятен» науки. Бесперспективность поиска разумных сигналов в расчете, что они ведутся на какой-нибудь случайной волне, не рассчитанной заранее на привлечение к себе внимания наблюдателя, очевидна. Мне хотелось бы, чтобы мои молодые коллеги из группы Ратова с тем же энтузиазмом, с которым они готовы отстаивать старые позиции, перешли бы на общий развернутый поиск направленных сигналов на длине волны двадцать один сантиметр.

— Убедите нас, и мы пойдем за вами, — сказал Костя Званцев с места.

Шилов поискал его глазами и ответил:

— Разве вы сами не найдете себе ответ? Разве научная совесть не подскажет его вам? Допустимо ли считать, будто внеземная цивилизация на подачу сигналов без адреса — «всем, всем, всем» при изотропном, так сказать, излучении будет тратить на эту затею энергию,

сопоставимую с излучением большой звезды или, что уж совсем дико, с энергией скопления звезд — галактикой.

Владлен снова встал.

— Простите, что я поднимаю старый спор. Разве может быть предел развитию разума, росту цивилизации? Ведь еще Кардашев более четверти века назад показал, что при том же росте энерговооруженности нашей земной цивилизации, какой был до сих пор, спустя каких-нибудь пять тысяч лет мы уже должны владеть энергией, сравнимой с той, которую излучает нам Солнце. А через пятьдесят тысяч лет? А через миллион лет? Разве энерговооружение нашей цивилизации не позволит тогда вести изотропную передачу братьям по разуму, затрачивая для этого энергию, равную нашему Солнцу?

Шилов смерил Владлена взглядом.

— Весьма подходящая тема для научного семинара. Обнаженное научное мышление!.. Произвольная экстраполяция!.. Кто вам сказал, что рост энерговооружения нашей земной цивилизации будет идти по прежнему закону? Известно ли вам, что намагничивание железа в какой-то момент увеличивается по прямой, по крутой прямой, но потом эта крутая прямая превращается в кривую, которая лишь стремится приблизиться к предельному уровню. Это уровень насыщения. Нельзя упустить из виду элементарную особенность всего, что имеет конечное значение. Магнит невозможно намагнитить больше, чем он на это способен. Кстати, закон насыщения вы можете проверить и на собственном желудке. Страдая жаждой, вы выпьете в пять минут пять стаканов воды — это допустимо, но это не значит, что в последующие пятьсот минут вы выпьете пятьсот стаканов воды. Во-первых, вам столько не нужно. Во-вторых, столько воды может и не оказаться в сосуде, из которого вы пьете.

— Аналогия не доказательство! — парировал Владлен.

— Нет, почему же? Дело лишь в том, какая аналогия! Рост цивилизации характерен не только увеличением потребления энергии,

но и большей эффективностью ее использования. Раньше дымили трубы, пускали энергию в небеса, а теперь...

— Это ничего не доказывает, — прервал Владлен. Он вышел к доске, взял огромный карандаш, написал формулу $E = K^{5T}$ — Коэффициент использования энергии, — указал он на «K», — может вырасти хоть в сто раз, но ведь время растет беспредельно, не за пять тысяч лет, так за миллион, все равно потребление энергии обществом вырастает тоже беспредельно. — Он подчеркнул формулу, вернулся на свое место и сел.

— Нет! Не беспредельно, — возразил Шилов, рассматривая формулу. — Нельзя из бака выпить больше воды, чем в нем есть. Нельзя использовать энергию больше, чем имеется в звезде. Еще бессмысленнее вести речь об использовании энергии скопления звезд. Звезды разделены между собой огромными расстояниями, которые свет проходит за тысячи и тысячи лет. Как же можно говорить об единовременном и целенаправленном использовании их общей энергии? Как эти энергии можно объединить? Поймите всю бессмысленность этих фантазмагорических посылок. Вы же ученый! Ученый — это человек, ответственный за истину.

Семинар превратился в дуэль Шилова и Владлена. Была ли она продолжением их вечного сражения или нет, но, во всяком случае, сегодня Владлен похвастаться победой не мог.

Шилов объявил в заключение, что план работы группы Ратова будет пересмотрен.

После семинара Владлен не находил себе места, часто поглядывал на часы.

Костя понимал его. Владлен открыл недавно в космосе радиоисточник в диапазоне волн, предсказанном Кардашевым для разумной цивилизации. Правда, пока не удалось доказать, что сигналы разумны. Если теперь Шилов переменит программу исследований их группы — прощай все надежды!

Владлен удивил друзей, когда после работы, вместо того чтобы идти с ними к станции монорельсовой дороги, попрощался и зашагал прямо через поле к лесу.

Вокруг Владлена, как зацветшая вода, по которой он будто бы шел вброд, желтели маленькие цветочки. От них шел медвяный запах, совсем тот, который он почувствовал вчера, впервые слушая игру Вилены.

Но сейчас он только готовился слушать ее. Специально для этого надел на себя так называемый «радиокостюм», облегающая ткань которого воспроизводила звук портативного радиоприемника. И этот звук как бы облегал слушателя, словно заставлял звучать все его тело, отгораживал от мира, захватывал всего целиком. Разве не этого хотела Вилена?

Вилена!.. Еще вчера он не знал о ее существовании, а теперь... Все вокруг было по-новому...

В лесу тени оказались вовсе не черными или серыми, как прежде, а цветными: зелеными, коричневыми, даже желтыми. От солнечных пятен лес казался пестрым, живым, разнообразным. Неужели раньше этого не было? Зелень на солнце светилась, а на просвет казалась золотистой.

Владлен посмотрел себе под ноги — и ахнул. Он ступал по снегу. Прозрачный покров легкой дымкой покрывал сухую прошлогоднюю траву и пробившиеся травы.

На елочках виднелись белые хлопья, как зимой.

Владлен нагнулся и подцепил ладонью с ветки нежную живую вату. И словно множество елок разом встряхнуло ветвями — пух несся отовсюду. Попадая в солнечный луч, пушинки вспыхивали белыми звездочками, застревали в невидимой, протянутой между ветвями паутине или осторожно садились на землю.

Опустившись на пень и посмотрев на часы, Владлен поворотом пуговицы настроил радиоприемник.

С волнением он услышал имя Вилены, первой из выступающих. Оказывается, она носила фамилию Ланской.

Шел предпоследний тур музыкального конкурса.

Владлен мысленно представил себе, как Вилена садилась за рояль, казавшийся по сравнению с ее грациозной фигуркой огромным. Вот она занесла над клавиатурой свои маленькие сильные руки, и...

Мир перестал существовать для Владлена. Волшебная сила вновь повлекла его в неведомые дали.

Музыка обладает сказочным свойством. У каждого человека она пробуждает свои собственные эмоции, мысли, воспоминания. Нет двух слушателей, ощущающих одно и то же.

Сначала Владлен был подавлен вихрем звуков, потом стал различать, что в воздухе летит пух. Он подумал, как неистощима всепобеждающая сила жизни!.. Расчетливо расточительна ее щедрость! Миллионы семян летят по лесу, чтобы лишь одно из них дало жизнь новому растению. Всемирный закон жизни!

Вилена играла концерт для фортепьяно с оркестром. И Владлен воспринимал его как Гимн жизни.

«Разве всемирный закон жизни, — размышлял он, — не должен распространяться на весь космос? Разве не могут лететь через его холодные бездны космические пушинки, неся оцепеневшие в анабиозе, но готовые проснуться споры неведомой жизни, развившейся где-то у чужих звезд, фиолетовых, красных, голубых? Конечно, непохожие формы жизни должны переключиваться в космосе из одного населенного мира в другой. И они могут быть непохожими, должны быть непохожими друг на друга!»

Потом Владлен задумался над тем, в чем же сила воздействия музыки, которую он слышит. Ведь, по существу, это только колебания воздуха различной частоты. В музыке смена частот, колебаний, смена высоты звука наряду с его длительностью и является носителем информации, передающейся слушателю.

Владлен даже вздрогнул от осенившей его мысли. Информация может быть заложена не в чередовании сигналов, а в смене волн разной длины!.. И вовсе не обязательно, чтобы это происходило в диапазоне

звуковых волн, слышимых человеком. Кстати, звуковые волны человек воспринимает куда ограниченнее других земных существ, скажем собак, не говоря уже о дельфинах, которым доступно поистине поразительное богатство звучаний.

Вилена играла финал концерта. Звуки нарастали, захватывали в неистовом вихре. Владлен, невольно подчиняясь ритму, стремился подбирать доводы, прийти к окончательному выводу! В космической передаче, конечно, вовсе не обязательно переходить на диапазон звуковых волн, которые могут быть даже незнакомы инопланетянам. Смена длины волны наряду с длительностью сигнала на одной волне может быть заложена в самих радиосигналах. Замечательно!.. Как же это не приходило ему прежде в голову?

Именно так должны были бы сигнализировать братья по разуму!.. Они шлют в космос «музыку небесных сфер», которую надо лишь понять!.. Она ускорена по сравнению с земной в миллионы раз, настолько, насколько радиочастота больше звуковой! И те сигналы, которые уже принял Владлен в обсерватории, могут оказаться разумными, если подойти к ним с новой стороны, с точки зрения смены в них длин волн. А длины волн в них меняются. Это сразу было ясно, поскольку приняты они были в виде «широкой, размытой полосы». Это говорило против разумности сигналов, потому что не походило на земные радиопередачи, в которых стремятся как можно точнее выдержать несущую волну. Но теперь!..

Владлен вскочил. Музыка смолкла. Он отер влажный лоб.

Что играла Вилена? Что скажет он ей? Хорошо она играла или плохо?

Как бы то ни было, он должен увидеть Вилену. Он знает, где она живет. Она будет возвращаться из концертного зала. Он скажет ей то, что произошло. Ее музыка помогла ему набрести на удивительную идею... Музыка небесных сфер! Он слышал ее в исполнении Вилены. Пусть она об этом знает!..